

18+ Сергей Возмищев

Шёпот
застенчивых
муз

Сергей Возмищев

Шёпот застенчивых муз

«Издательские решения»

Возмищев С. В.

Шёпот застенчивых муз / С. В. Возмищев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-659163-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга объединяет в себе рассказы и стихи автора, записанные в разные годы. Мистика, приключения, немного юмора и размышлений — вот и готов «коктейль» для приятного вечера. А образные четверостишия расскажут, о чём же шепчут скромные музы.

ISBN 978-5-00-659163-9

© Возмищев С. В.
© Издательские решения

Содержание

Про Минерал	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Про Анну Сергеевну	21
Глава 1	21
Глава 2	23
Глава 3	25
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Шёпот застенчивых муз

Сергей Владимирович Возмищев

© Сергей Владимирович Возмищев, 2025

ISBN 978-5-0065-9163-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Про Минерал

Глава 1

Этот контраст скорости и постоянства всегда завораживал Вэйна. На какие-то секунды удавалось даже почувствовать себя тем мальчиком, впервые ощутившим на себе этот эффект.

Как бы быстро ни мчался «Континенталь-экспресс», заснеженный Пик за окнами выглядел неподвижно и величественно. Запретный и полный опасностей. Со стороны серебристая молния экспресса визуально просто терялась на фоне древнего вулкана, остывшего много лет назад.

Скорость на этом перегоне поезд набирал весьма приличную. И почти все пассажиры в этот момент неотрывно смотрели на открывшийся вид. Только Вэйн, убедившись, что Пик на своём месте, ощутив животом скорость несущегося по рельсам состава и почувствовав себя между этими двумя величинами, любил наблюдать за своими попутчиками. Сегодня рядом с ним ехала компания из пятерых молодых людей. Это для него они были ещё молодыми парнями лет двадцати с небольшим. Себя они явно чувствовали зрелыми мужчинами, всё знающими и способными практически на всё.

Это и забавляло Вэйна в его почти шестьдесят лет. Он достаточно повидал таких удальцов, чтобы уверенно заявить им:

– Ребятки, я бы хотел отговорить вас от того, что вы задумали. Скорее всего, все вы погибнете. Очень скоро и очень неприятно.

Бравурный разговор резко стих. Один из парней, с вышитой надписью «Марк» на плече военной куртки, повернулся к нему и негромко, но жёстко спросил:

– Откуда инфа, дед?

– На лбу у вас написано, – Вэйн снова обвёл компанию взглядом. И, наклонившись в сторону Марка, тем же тоном добавил: – Ботинки мне свои завещай, чудо как хороши. Жаль, если пропадут.

Марк, не моргнув глазом, но сменив тон на более снисходительный, сказал:

– Слушай, дед, выкладывай, что знаешь. Если окажешься полезен, ботинки тебе подарю потом, на тёплой земле.

– А ты не дурак, парень. Может быть, протянешь дольше остальных. Предложу сделку. Будете слушаться – поживёте ещё, получите небольшой навар и огромный опыт.

– Ну, предлагай. Мы послушаем и решим, что с тобой делать.

– Кто вы и за чем идёте – видно за пару миль. На станции таких ждут и отправляют домой, к мамкам. Даже если пройдёте кордон – сгинете в пути. Там треш, Диснейленд – в другую сторону. Искать вас никто не будет. А сможете вернуться – не факт, что долго протянете. Интересно?

– Аж дух захватывает. А ты что, супермен? Дальше что?

– Идёте со мной. Делаете, что скажу. Дышите, когда разрешу. Может всё и сложится. Кто вернётся, отдаёт половину мне и свободен. За мои знания и опыт. На девочек и шмот вам хватит. Только так.

– Заманчиво. Нас пятеро, дед. Мы не скауты какие-нибудь, знаем, что делаем. И нужные связи есть, так что пугать не надо. Давай так: мы тебя берём с собой, и если будешь успевать и не сильно меня разозлишь, то по приходу оставишь себе немного из своей доли. С меня ботинки и обратный билет с обедом. Идёт?

– От вас воняет, – Вэйн навалился обратно на спинку дивана. – Знаете, почему местные не ходят на Пик?

– Знаем. Но мы же не местные, – вся компания гоготнула. – Веришь в здешний фольклор?

– Надо обдумать ваше щедрое предложение, – Вэйн посмотрел на часы, поднялся со своего места, закинул на плечо рюкзак. Другой рукой поднял дорожную сумку и вышел из салона.

– Оборзевший дед, – Марк явно был озадачен, но не хотел этого показать.

Парень с нашивкой «Стэн» встал и начал пробираться к выходу:

– Пойду посмотрю, что он будет делать.

Он нашел их попутчика в служебном помещении в конце вагона. Вэйн разглядывал что-то в небольшое окно.

– Извините, – Стэн осторожно закрыл за собой дверь. – Там правда так опасно, как говорят?

– Нет, – Вэйн не отвлекался от окна. – Только утром с похмелья можно обмочить себе сапоги. Но подают кофе и гамбургеры.

– У Вас хорошее чувство юмора. А если серьёзно, Вы верите в Нех? Его же никто не видел. Может, специально болтают, чтоб на Пик все подряд не бегали?

– Те, кто видел, уже не расскажут, куда их ноги делись. Я верю не слухам, а тем, кто находил этих укороченных бедолаг.

Бешеная скорость поезда стала снижаться. Начался подъём к перевалу, за которым была единственная здесь станция. Вэйн резко посмотрел на часы, подтянул рюкзак на плечах, а свою сумку надел лямками спереди, став похожим на парашютиста. Натянул крепче шляпу, заправил под воротник конец своего необычно широкого шарфа. Поезд ощутимо замедлял ход на подъёме.

– Что Вы задумали? – Стэн пытался понять происходящее.

Вэйн не ответил. Он вытащил из кармана ключ-карточку на шнурке, вызвал ей меню управления на небольшом мониторе возле двери, выбрал нужный пункт и нажал на появившуюся красную панель.

Створки дверей бесшумно разъехались в стороны, обдав мужчин потоком холодного воздуха. Стэн резко отстранился от выхода, а Вэйн, наоборот, встал на самом краю, повернувшись спиной к природе.

– Жаль, что мы не договорились, – прокричал Вэйн сквозь уличный шум. – Будь здоров!

Он прыгнул так же спиной вперёд, как-то хитро повернулся в воздухе и исчез из вида.

Стэн резко выглянул в освободившийся проём. Тёмный силуэт Вэйна, наполовину торчащий из снежного склона, медленно отдалялся, шевеля рукой в воздухе. На экране перед глазами истекал таймер. Стэн огляделся по сторонам, секунду поколебался, затем, вдохнув глубже, резко оттолкнулся ногами от поезда.

Глава 2

– Слабоумие и отвага? – Вэйн подошёл к лежащему в снегу парню. На спине – рюкзак, на груди – сумка. Но в его руках появились складные палки, а на ногах – небольшие снего-ступы. – Ты зачем это сделал?

– Не знаю. Внутренний голос сказал. Почувствовал, что иначе конец.

– Ты идти можешь, Голос?

– Нет, кажется. Одна ступня не шевелится, встать не смогу.

– И вещей нет? Ну, тем хуже для тебя. Прощай. Обманул тебя твой голос.

– Да, глупо получилось. Дед, ты что, тут меня и бросишь?

– Ну конечно же да. Как там тебя? Стэн? Говори, что родным передать, и я пойду. Или ты думаешь, что я буду тебя тут с ложечки кормить, пока ты снова танцевать сможешь?

Стэн молчал.

Вэйн задумался, навалившись на свои палки. Посмотрел на часы, на темнеющие облака. Закрыв лицо руками. Постоял так с минуту, принимая решение.

– Хватит мокнуть в сугробе. Давай свой зад сюда. Нам не повезло с погодой, надвигается пурга. Бросить бы тебя, и через три часа никаких улик. Но мне и одному в пургу хода нет. Давай, давай, что у тебя там с ногой? Отлично, перелома нет. Ещё сбегаете мне за пивом когда-нибудь, если ума хватит дожить. Держи палку, руку на меня и похромали. Тут не так чтобы близко, но выбор невелик.

Когда они добрались до нужного места, уже почти стемнело, и началась пурга. В отвесной стене нашлась глубокая ниша, видимо не в первый раз служившая Вэйну убежищем. Стены её были специально закопчены, чтобы увидеть издалека на фоне заснеженного склона. Вэйн развёл огонь, разрезал пополам походный коврик и принялся наводить в большой металлической кружке что-то очень приятно пахнущее.

Стэн уселся, прислонившись к стене, вытянув больную ногу. Он заговорил первым.

– Как тебя зовут, дед? Хочу поблагодарить.

– Зови меня Вэйн. Поблаговаришь, когда домой своими ногами придёшь. А тебя? Эти собачьи клички на шевронах – ваши имена?

– Позывные. Мы служим в одном подразделении. Так и зови. Если не вернусь, адвокат сделает всё, что нужно. Кстати, мои ботинки завещаю тебе, если что.

– Твои мне не подойдут. Но спасибо, отнесу на ярмарку, не пропадут. А в свободное от службы время вы решили подработать добычей Минерала? И хорошо подготовились?

– Ну да. Нормально собрались.

– И где всё? У тебя что с собой есть?

– Нож, компас, мультитул. Ну, документы, деньги, – Стэн быстро ощупал карманы своего кителя.

– Отлично. Сбегай-ка, друг, в магазин за печеньем. Чем ты думал, когда прыгал с поезда? Что у тебя в планах было на ужин? – Вэйн вопросительно уставился на него.

– Я не думал, я почувствовал. Такое животное чувство, что если не прыгну, всё кончится. Вряд ли это можно объяснить, но такое бывает со мной и никогда не подводит.

Вэйн продолжал внимательно разглядывать собеседника.

– А сейчас что чувствуешь? Не жалеешь, что прыгнул?

– Трудно сказать. Скорее – нет, не жалею.

– Ну, ещё бы, – Вэйн поставил кружку на камень рядом с костром. – Значит расклад такой, Прыгун: у меня продуктов на шесть дней для одного. Пока мы сидим, порции урежу вдвое. Про подъём наверх придётся забыть. Как только сможешь идти, вернёмся на станцию по-тихому и разбежимся. Там и отблаговаришь, сумму я назову.

– Согласен, – Стэн закрыл глаза, с жадностью втягивая носом запах из стоящей на огне посуды.

Вэйн вытер салфеткой ложку, воткнул её в кружку, где уже закипала тёмная густая масса. Положил рядом пару галет.

– Приятного.

– Спасибо, – Стэн, стараясь не показать, насколько он голоден, осторожно взял кружку и принялся есть.

– Очень вкусно, – сказал он через пару минут. – А что это?

– Сушёное мясо, овощи, витамины. Делаю сам. Ну, хватит лирики. Спать придётся сидя.

Если что – кричи, никто не услышит, кроме меня.

– А здесь безопасно?

– Думаю, да.

– Вэйн, что ты знаешь про Нех?

– Захотелось страшных историй на ночь? – поевший Вэйн стал добрее. – Какое-то время я жил среди местных индейцев. Этот малый народ кочует в окрестностях Пика небольшими семьями. Гора для них священна, и бла, бла, бла. Если ты пошёл на Пик, тебя не тронут. Они посчитают тебя добровольной жертвой Великому Духу Нех, обитающему здесь. Но если ты вернёшься, да ещё с полным рюкзаком чего-нибудь, то они будут этому не очень рады. Можешь случайно споткнуться, удариться о камень или ещё что-нибудь. В горах всякое бывает. Сейчас стало спокойнее, некоторые из них сами берут Минерал. А из того, что я видел и слышал про Нех, сделал вывод, что это точно не зверь и не человек, хотя твой запах имеет значение. Невозможно так искалечить, не оставив следов. Ни крови, ни следов на снегу вокруг. Ничего. Только спящий вдруг становится на метр короче снизу, вот и всё. И, естественно, не просыпается. Великий Дух, не иначе. Не бойся, твоей дефектной ногой он побрезгует.

– А про Минерал что можешь сказать?

– Могу сказать: забудь, – Вэйн повозился, устраиваясь удобнее, но вдруг приподнял шляпу с глаз и, пристально посмотрев на Стэна, спросил: – А расскажи-ка ты о себе и вашей банде? Чтоб всё стало окончательно ясно.

– Мы с детства знакомы, учились вместе, теперь служим. Не так важно где. У нас есть доступ к цепочке движения Минерала внутри военного ведомства. И мы решили немного заработать, используя служебное положение. То, что официального оборота Минерала нет, не значит, что он никому не нужен. Военные щедро платят тому, кто его принесёт. Иногда за ним отправляют приговорённых к смерти преступников, но возвращаются не все. Патрули, про которые ты говорил, следят за тем, чтоб все подряд не лезли туда на свою погибель.

– Минерал приносят местные. Есть те, кто умеет собрать немного и донести до спецконтейнера на станции. Ну и такие, как я, тоже стараются.

Глава 3

К утру ветер утих, и погода стала налаживаться. Вэйн явно нервничал, теряя время и заработок. Стэну было лучше, но идти сам он ещё не мог. Только на четвёртый день, утром, он перестал шаркать и осторожно прохаживался перед их приютом, словно испытывая свою ногу.

– Как думаешь, твои друзья пошли без тебя на Пик?

– Уверен, что пошли. Погода позволяет.

– Значит, сейчас они где-то на пути назад. Еды у нас на пару дней, если не пировать, как раз хватит дойти до станции. Может быть, ещё повстречаешь своих. Собирайся. Выйдем на центр западного склона, там есть тропа.

Хотя такое передвижение нельзя назвать прогулкой, но по склонам вполне можно было ходить. Снег не особо мешал, основная масса его сдувалась ветрами. Почти постоянно путникам приходилось преодолевать небольшие подъёмы и спуски, пробираться между камнями всяческих форм и размеров.

Через несколько часов такого движения они вышли на чуть более свободный участок склона. Вэйн сверился с навигатором.

– Тропа. Если повезёт, через сутки будем на месте.

– Спасибо, Вэйн. Без тебя бы я...

– Без меня бы ты сейчас возвращался здесь с друзьями, если бы повезло. А я без тебя точно так и делал бы, только один.

– Ты чего-то недоговариваешь, Вэйн. Или мне кажется?

– Недоговариваю.

Какое-то время они шли молча. Тропа называлась так очень условно. Тот же каменный лес на склоне, но реже. Однако она неизменно вела вниз, и было видно, что время от времени здесь бывали люди.

Примерно через час Стэн остановился, взял своего попутчика за рукав и молча показал рукой вперёд. Метрах в тридцати, перед большим камнем, лицом вниз лежал человек. Вэйн осмотрелся по сторонам, прислушался. Кроме шума лёгкого весеннего ветра и стучащего от волнения сердца, ничто не нарушало тишину.

Первое, что они увидели, подойдя к лежащему, это хорошего объёма рюкзак на нём, намоченный снег вокруг тела и нашивку «Клим» на шевроне военной куртки. Вэйн резко потащил Стэна назад. Отойдя на место, откуда они увидели тело, Вэйн спросил:

– Ваш?

– Наш, – Стэн был явно под впечатлением.

– Слушай меня внимательно. Слева от нас небольшой обрыв. Твоя задача: максимально быстро подойти к этому, – Вэйн показал рукой за спину, в сторону лежащего. – Открыть рюкзак, достать самый большой свёрток, которого раньше не было в ваших вещах, и бросить его подальше и вниз. Может покалывать руки, не обращай внимания. Если задумаешься о смерти или неудаче, так же красиво ляжешь рядом. Понял меня? – Вэйн внимательно смотрел в глаза своего напарника.

– Понял.

– Ключевое слово: быстро. Подошёл, открыл, достал, бросил, вернулся. Никакой самодеятельности. Не вздумай что-нибудь разворачивать и смотреть. Второй раз я тебя спасать не буду, говорю сразу.

Стэн кивнул. Успокоив дыхание, он, переходя на бег, подобрался к своему бывшему товарищу. Повозился с молнией рюкзака, вытащил блеснувший фольгой свёрток размером с футбольный мяч. Затем богатырским движением отправил его в начинающуюся рядом расщелину,

повалившись при этом на бок, но быстро встал и побежал обратно. Подбежав, он сел прямо на тропу, засунув руки в перчатках глубоко в снег.

Вэйн ждал его, глядя на часы.

– Молодец. Сильно горячий?

– Ощутимо. А ты шутник. Если будет покалывать... Что это было?

– Минерал. Вот почему его не всегда можно принести. Твой друг Клим этого не знал и пожадничал.

– Вот чёрт. Как это работает?

– Точно не знаю. Минерал выходит на поверхность в разломах горы на разной высоте, не только наверху. И чем выше, тем проще его найти, однако нести придётся дольше. Эта условная тропа идёт почти до верха, и всё кажется проще: пришёл, набрал, пошёл вниз. Но путь получается примерно на день длиннее, чем если искать и собирать где-то ниже, по трещинам. А счёт здесь идёт на часы. В Минерале, поднятом или оторванном от земли, через некоторое время начинается реакция, при которой он нагревается и излучает что-то вредное для живой органики. Чем больше объём Минерала, тем быстрее и сильнее реакция.

– Откуда ты всё это знаешь, Вэйн?

– Канал «Дискавери» люблю смотреть.

– Долбанный шутник. Значит, я облучился уже?

– Догадливый. Но ты на месте уложился в тридцать секунд. Ты молодой, голова покружится или вовсе ничего не почувствуешь.

– А сюда эта дрянь не достаёт?

– Теперь уже нет. Пойдём смотреть, чем твой молчаливый товарищ готов с нами поделиться.

– Ты ещё и циник. Как с тобой люди уживаются?

– Я живу один. А ты вообще, что в армии делаешь, такой нежный и розовый? Цветы в штабе поливаешь?

Они подошли к лежащему на снегу Климу. Стэн проверил пульс. Пульса не было, но труп был горячим.

– Даже если жив, ему не помочь, – Вэйн навалился на сведённые вместе палки и ждал.

Стэн стащил с тела рюкзак, отложил в сторону. Посмотрел на Вэйна, стоящего в выжидательной позе, и спросил:

– Ботинки заберёшь?

– Моя школа, – Вэйн заулыбался. – Не теряй времени, здесь не Палм-Бич.

– Странно, – сказал Стэн, перебирая свёртки, – тут больше еды, чем должно остаться.

Он что, бросил остальных?

– Значит, её некому было есть, – лицо Вэйна оставалось спокойным. Он что-то продумывал, глядя, как его напарник ворошит вещи.

Стэн перевернул остывшее уже тело, снял с шеи медальон. Отстегнул часы, надел себе на свободную руку. Нашёл бумажник, бросил в рюкзак.

Вытащил из нагрудного кармана навигатор и стал перебирать настройки.

– Это военная модель, – сказал он. – Я могу видеть, где остальные навигаторы нашей группы.

– И где же?

– Один выше по тропе, а два где-то далеко вверху. И один далеко внизу. Ну, это мой видимо, на станции.

– Отлично, – Вэйн снова принял решение. – Планы меняются. Теперь у нас есть еда. Мы можем выполнить то, зачем шли. Сейчас идём к ближайшей метке. Там решим, что дальше делать.

Он поправил свою заметно похудевшую поклажу и зашагал верх по тропе. Стэн подхватил на плечи непривычно тяжёлый рюкзак и стал догонять.

Подъём занял всю оставшуюся часть дня. Периодически авантюристы сверялись со своими навигаторами, Вэйн высматривал что-то в миниатюрный бинокль. По пути они пообедали на камнях, а когда стало смеркаться, Вэйн показал палкой на относительно ровное место под нависшим потёком застывшей лавы.

Химическое полено давало небольшой, но стойкий огонь. Чувствовалась высота – воздух был другим, и склон стал явно круче, чем утром.

– Твои метки всё там же? – спросил Вэйн, когда простой походный ужин был закончен. – Далеко до ближайшей?

– Там же. Метров триста не дошли. Это по прямой.

– Нормально. Утром дойдём. И поменяем маршрут. Выше подниматься не будем, на этой высоте уже можно найти Минерал.

– А Нех?

– Он сам тебя найдёт, не переживай. Да, тут опасно уже, если ты про это.

– И что же ты делаешь в таких случаях, мистер Шутник?

Вэйн достал из сумки полотняный мешочек. Развязал, и из него уже вытащил герметичный пакетик поменьше, с тёмным порошком внутри. Понюхал, не открывая его, сморщил нос.

– Я на тебя не рассчитывал, поэтому перца брал на одного. Так что тебе – по остаточному принципу. Извини.

Он стал осторожно, насыпая порошок небольшими порциями в ладонь, размазывать его по своей одежде, в основном по штанам.

Когда осталась примерно половина пакета, он передал остатки Стэну, велел делать то же самое.

– Что это за перец? – Стэн уже ничему не удивлялся, просто было интересно.

– Это не совсем перец, на вкус лучше не пробуй. Предмет культа местных. Смесь специй и сушёных экскрементов животных. По легенде этот запах может отпугнуть Великого Духа.

– По легенде? – переспросил Стэн с недоверием. – Может отпугнуть, а может, и нет?

– А может, и нет. И ещё советую на ночь плотно закрыть лицо, и чтоб уши не торчали. У меня для этого шарф, я обматываю голову как мумия. На твоём месте я бы надел на голову и плечи пустой рюкзак, – Вэйн начал обматываться.

– Это тоже от Нех?

– Нет. Ночной загар может повредить нежную кожу. И если вдруг услышишь негромкое шипение, постарайся не проявлять любопытства, а просто выдохни и замри. Стань сухой веткой, как говорят индейцы.

Вместо того чтобы рассердиться, Стэн с теплотой в голосе сказал в окружившую их темноту:

– Спасибо тебе, Вэйн.

– Ага.

Глава 4

Стэн долго не мог заснуть. Ему было душно и холодно одновременно. Он так и не понял, издевается над ним Вэйн, заставляя надеть рюкзак на голову, или на самом деле существует какая-то угроза. Но проверять на себе этого не хотелось. Напоминала о себе травмированная нога, ноющей болью словно выдавливающая из себя пройденные километры. Ещё несколько раз в ночи ему слышались шаги и голоса, и он замирал, каждый раз снова проваливаясь в беспокойный сон. И когда холод окончательно пересилил дремоту, Стэн решил подняться. Прислушавшись, он медленно снял с головы рюкзак и осмотрелся.

Уже почти рассвело. Утренние облака растянулись выше по склону, скрывая за собой вершину Пика. Вэйн лежал на камнях возле своей половинки коврика, целый, раскинув в стороны руки, всё так же замотанный в свой широченный шарф.

Стэн взял его под руки и посадил на коврик. Из под витков ткани послышалось еле различимо:

– Нормально, солдат. Вольно, разойдись.

Через пару часов, следуя показаниям прибора, они нашли ещё одно тело. Это был Марк. Он замер между большими камнями на коврике, вытянув руки вперёд в каком-то невероятном усилии. На его лице застыла гримаса ужаса, а ног не было совсем. Там, где они должны были начинаться, всё было как будто обуглено или закопчено. И ни крови, ни остатков одежды или обуви не наблюдалось вокруг.

– Вот засранец, – произнёс Вэйн, навалившись на свои палки. – Не сберёт мои ботинки. Говорил же, что от тебя пахнет.

Затем отошёл на пару шагов и продолжил, не оборачиваясь:

– Делай, что нужно, и пойдём. Время дорого. Коврик заberi, ты мне должен.

Стэн вытащил из-под мертвеца коврик, снял с цепочки жетон, забрал документы. Переложил себе то, что могло пригодиться.

– Я готов.

– Двигаем на южный склон, – в голосе Вэйна слышались металлические нотки. За командирским тоном он явно хотел скрыть наполнившие душу переживания. Каждый раз, видя чью-то нелепую смерть, Вэйн думал о том, сколько бы ещё хорошего мог сделать погибший, пусть даже для самого себя. О том, что недавно этот человек о чём-то мечтал, строил планы, накапливал имущество, наконец. Возможно, что его кто-то ждёт сейчас далеко отсюда и, может быть, даже бескорыстно любит, несмотря ни на что. А он останется навсегда вот здесь, холодный и страшный, не порадовав больше никого своим теплом и добрым словом. И Стэн очень правильно надеялся, что его спутник переживал не из-за утраченных чужих ботинок.

Остаток дня они преодолевали подъёмы и спуски, обходили провалы и вздыбившиеся в небо каменные глыбы. Возле одного провала Вэйн остановился и указал вниз.

– Смотри!

Стэн присмотрелся и разглядел на дне и нижних стенках щели необычные камни. Разного размера и неправильной формы, но эта неправильность была у них какая-то одинаковая. Всё же они были серые, но отражали свет тонким серебристым отливом. Он понял, что это Минерал. К его удивлению, они продолжили путь, ничего не взяв в этом месте.

В какой-то момент, собравшись шагать дальше, Стэн неожиданно был сбит с ног прыгнувшим на него Вэйном. Тот придавил его всем телом к снежному склону, одновременно закрывая собой.

– Стань веткой, – прохрипел Вэйн, что-то энергично делая руками в области своей головы. И затих.

Стэн чувствовал, как тает снег под его лицом. Первая капля медленно поползла по шее и вниз. Сердце выпрыгивало из груди. Кроме его стука не было слышно ничего. Вэйн прижимал сверху большим тяжёлым мешком.

Стэну послышалось, что кто-то медленно высыпает песок из ведра на железный лист. Но, судя по звуку, песок в ведре не заканчивался, а лист постепенно приближался к его голове. «Я – ветка. Сухая старая ветка», – стал повторять про себя Стэн. И вот уже песок сыплется не куда-то рядом, а будто бы прямо в уши, сыплется и исчезает, чтобы снова шипеть и шипеть в ушах. Стэн зажмурился, чтобы не закричать. Ручеёк талой воды уже пробивал себе дорогу глубоко под одеждой. И только успев осознать это, Стэн понял, что всё прошло. Шум стих. Сердце билось ровнее, а из окружающих звуков начало слышаться чьё-то осторожное дыхание. Через минуту оно сменилось резким кашлем, и, наконец, Вэйн свалился с него на снег.

– Что это было? – Стэн растирал руками своё раздавленное лицо.

– Я не знаю, – раскрасневшийся и вспотевший Вэйн глубоко и жадно дышал. Отдышавшись, он добавил:

– Выглядит как туман или облако. Только плотнее, виден его край. Ползёт по склону прямо к тебе и шипит. Контактует с кожей, кто не спрятался, тот проиграл. Можно увидеть или услышать, успеть среагировать.

– Понятно.

– Аномальное образование. Состав неизвестен. Происхождение туманно, извини за каламбур. Поднимайся, мы теряем время.

Они стали пробираться дальше вдоль склона, уже перебравшись на его южную сторону.

– Слушай, Вэйн, куда мы идём? У нас же не осталось продуктов на обратный путь.

– Мы не пойдём обратно, только вперёд. Доверься мне, мы почти на месте. Сегодня ночью, завтра ближе к вечеру будем на станции.

– У тебя тут самолёт, что ли, спрятан?

– Ну, почти.

– Недоговариваешь?

– Недоговариваю. Мог бы и сам догадаться. Как вы готовились к восхождению? Что знаешь про южный склон? Ну, давай, скаут, расскажи.

– Южный склон ровнее, но круче, чем западный. Из-за этого по нему не ходят. Изучен мало. Представлен на открытках как основная достопримечательность...

– Хватит. Вот именно, ровнее и круче. То, что надо. И что не ходят – вообще красота.

Начинало смеркаться. Вэйн ещё раз посмотрел в навигатор, покрутился с ним на одном месте. Затем убрал в карман и стал карабкаться прямо вверх, часто помогая себе руками.

– Не отставай. Мы пришли. Сейчас я тебя кое с кем познакомлю.

Поднявшись на сотню метров, Вэйн остановился и выпрямился. Когда Стэн догнал его, то увидел относительно ровную площадку размером с парковочное место. В основании уходящей дальше вверх стены темнела узкая трещина чуть ниже человеческого роста. Проход, или точнее – лаз в неё, загораживал занесённый снегом валун, по форме напоминающий очертания человека, стоящего на коленях.

– Это Стонки. Мой давний проводник и напарник. Однажды он не успел стать веткой, – говоря это, Вэйн наклонился над фигурой и обмёл краем шарфа то место, где должно было быть лицо. Сквозь налипший снег Стэн разглядел почерневшую маску. Похоже было, что плоть вскипела, соединившись с частями одежды. Рука, не спрятанная в перчатку, по виду напоминала коралл.

– Это случилось несколько лет назад. Не сразу, но я перенёс его сюда. В знак благодарности, что ли.

Вэйн огляделся по сторонам, достал карманный фонарик и начал протискиваться в пролом.

– Проходи, располагайся. Под ноги смотри, руками ничего не трогай.

Забравшись внутрь, Стэн остановился. Он увидел каменный грот, не меньше гостиной в приличном доме. Стены почти не отражали свет, но там, куда падал луч фонаря, сверкало сразу по несколько серебристых отблесков. Низкий неровный потолок угрожающе нависал над ним, но стоять в полный рост оказалось вполне возможно. Вэйн возился с чем-то слева у стены, кряхтя и бормоча. Через пару минут синее химическое пламя высветило там подобие каменной ступени и самого Вэйна, расправляющего покрытое ином тонкое одеяло. Второе одеяло лежало рядом. Он расстелил на этой ступени коврик, накрыл одеялом ноги и принялся согревать пальцы над разгоревшимся пламенем.

Стэн устроился рядом. Настолько уставшим он давно себя не чувствовал. Даже встать, чтобы рассмотреть вблизи Минерал, не было никакого желания. Он лениво поводит фонариком из стороны в сторону, по отблескам прикидывая богатство местных залежей, и забыл про него. Сил не было уже ни на что.

Завершив свой ежевечерний обряд обмазывания перцем, Вэйн передал остатки порошка соседу и замотался в свой шарф, став похожим на улитку, устроившуюся на ночлег. Стэн натянул посильнее капюшон, размотал на лицо балаклаву, скрючился поудобнее и провалился в сон.

Глава 5

Казалось, что прошло всего несколько секунд, когда он снова открыл глаза. Мышцы его затекли, всё тело ныло от неудобного сидения в одной позе. Но в этот раз Стэн был рад этому как никогда. Он осторожно выглянул в пролом. Слева на горизонте занималось красное марево, уже готовое разродиться новым солнечным днём. Вид мог бы порадовать даже самого мрачного пессимиста, если бы не замёрзший рядом мертвец.

Завозился в своём тряпочном коконе Вэйн. Проворчав что-то, он тоже выбрался на свежий воздух. Несколько минут они молча смотрели, как из-за горизонта медленно выползает ярко-оранжевый диск, заливая всё вокруг живительным светом.

– Давай собираться, – нарушил он эту тихую идиллию и полез обратно внутрь.

После скромного завтрака и недолгих сборов Вэйн приспособил фонарик повыше на складчатой стене грота. Пол осветился яркими серебристыми блёстками, словно кто-то рассыпал здесь монеты и забыл про них. Затем он вытащил из рюкзака довольно объёмный металлический термос, чего раньше не делал. Положив его на бок, Вэйн покрутил что-то сбоку и открыл ёмкость не как обычно, а как шкатулку, по всей длине. Стэн разглядел толстые стенки и восемь одинаковых ячеек, разделённых такими же перегородками внутри странной посуды.

Кряхтя и нагибаясь, Вэйн начал собирать с пола пещеры мелкие камешки, вплоть до каменной крошки. Заполнив все ячейки в термосе более чем на половину, он обернулся к своему напарнику:

– Доставай, что у тебя там? Пакеты из супермаркета?

– Упаковочная фольга... – Стэн неуверенно пошуршал в рюкзаке.

– Тоже подойдёт. Делай несколько свёртков. Наполняй каменной крошкой наполовину.

Потом смотри, что я буду делать.

Вэйн осмотрел свой термос, надел запасные перчатки поверх уже надетых, и стал собирать кусочки Минерала, размером примерно с куриное яйцо. Он обернулся к Стэну и посоветовал:

– Ты бери мельче. Жадность вредит здоровью.

Каждый кусочек он складывал в ячейку своего термоса, по возможности окружая его простой породой. Завершив это делать, Вэйн удовлетворённо закрыл своё переносное хранилище и уселся на коврик отдохнуть. При этом он внимательно смотрел за тем, что делает его напарник.

– Собрал? Заверни как следует. Положи подальше один от другого. Запомни время. Всё, выдыхаем и сваливаем. Коврик не забывай.

– Вэйн, а насколько тебе хватает денег от этих восьми камней?

– Года на полтора, если не шиковать. Но я хожу каждую весну, иногда по два раза, пока могу. Откладываю на старость, так сказать.

Выбравшись на воздух, Вэйн осмотрелся по сторонам. Солнце уже полностью освещало окрестности. Далеко внизу была едва заметна тонкая полоска дороги, проходившая вокруг всей горы. Пару минут он что-то рассматривал в свой бинокль. Затем вывернул наизнанку свою заранее освобождённую от вещей сумку. Внутри она была сшита из прочной водостойкой клеёнки. Стэн внимательно наблюдал за происходящим.

– Сумка-самолёт! – Вэйн поставил её на снег, встал внутри неё на колени, взявшись с боков за ручки. – Садись на свой ковёр-самолёт и не отставай.

От недоумённого вида Стэна он готов был хохотать, но шутить было некогда.

– Видел бы ты сейчас своё лицо! Склон ровнее, но круче. Вверх по нему не ходят, а нам и не нужно вверх, нужно вниз. Проезжаем прямые участки, где-то переходим, где-то перелазим, но едем. Карманы застегни, придётся поваляться в снегу. Давай, строго за мной.

И он оттолкнулся руками. Неглубокий снег как раз позволял держать подходящую скорость, чтобы не разбиться на возникшем вдруг на пути каменном выступе и в то же время, продвигаться довольно быстро. Каждые метров тридцать или сорок приходилось перебираться на новый, относительно свободный участок склона. Стэну на коврике было намного неудобнее. Его руки и ноги давно промокли, колени болели от частых ударов, но он мысленно радовался и удивлялся такой находчивости своего пожилого проводника, что неприятное уходило на второй план. Через час он даже примерно не мог определить место, откуда они начали спуск. А дорога внизу уже различалась довольно чётко. И можно было увидеть, что там, куда они двигаются, на обочине стоит микроавтобус.

Последний километр с небольшим пришлось идти пешком. Вэйн снова нацепил свои снегоступы, чем-то похожие на ракетки от настольного тенниса, и зашагал вперёд. Стэн поплёлся за ним, стараясь ступать в уже оставленные следы. Постепенно приближаясь к фургону, он смог прочесть надпись на его боку: «Экологический мониторинг».

Когда до машины оставалось совсем немного, её боковая дверь отодвинулась, и на пороге уселась темнокожая женщина средних лет в оранжевом комбинезоне. Она курила сигарету, молча наблюдая, как двое мужчин с рюкзаками преодолевают снежную целину, оставляя за собой петляющую цепочку следов.

– Рад видеть тебя, Сельма! – громко сказал Вэйн, выбираясь на твёрдую дорогу.

– Ну ещё бы не рад, – ответила женщина низким приятным голосом. – Старый бродяга.

А это кто там за тобой тащится?

– Да вот, подобрал на дороге воробушка.

Стэн, заметно отставший от своего напарника, видел, как они коротко обнялись, и Вэйн уселся снимать свои снегоступы. Сельма завела машину и выжидающе постукивала пальцами по рулю. Собрав остаток сил, он доковылял до фургона и просто завалился внутрь, упав прямо на пол, покрытый чистым мягким ковролином. «Вот оно, счастье!», – подумал Стэн. Фургон аккуратно тронулся и стал набирать скорость.

Пока Стэн приходил в себя и осматривался, Вэйн уже переоделся, бросив всё мокрое в отдельный ящик. Теперь он сидел по-турецки на одной из сделанных в машине скамеек, с походной чашкой кофе в руках. Аромат кофе окончательно поднял Стэна на ноги.

– Могу предложить запасную спецовку. Даже носки найдутся, наверное, – Вэйн хозяйничал как у себя дома. – Ботинки можешь поставить к печке. Только не пересуши. Ну, ты понял, – он сделал глоток из своей чашки. – Через час будем на станции.

– А она откуда здесь? – Стэн посмотрел на сидящую спиной к нему женщину.

– Сельма здесь работает. Но если ты вдруг женоненавистник или расист, то вот выход, – Вэйн вежливо указал на дверь.

– Нет, просто интересно, не усложняй.

– А ты ничего, – Сельма на секунду обернулась посмотреть на Стэна. – Я собираю вокруг Пика пробы воздуха, воды и почвы. На всякие там уровни радиации, запылённости и прочее. Попутно подбираю разных милых придурков, желающих заработать на природных аномалиях. А вот ты здесь откуда, а, воробушек?

– Выпал из гнезда. Спасибо, что подобрали, – устало ответил Стэн. В сухой одежде его начало клонить в сон. Он улёгся на скамейку со своей стороны и отключился.

Вэйн поставил пустую чашку на миниатюрный столик, неуклюже перебрался на место рядом с водителем.

– Что думаешь делать с ним? – Сельма держала максимально возможную скорость.

– Да ничего, пусть живёт. Вроде толковый парень.

Глава 6

– Эй, прыгун, просыпайся, приехали. Давай шевелись, некогда лежать, – Вэйн, обернувшись, тряс своего попутчика за ногу.

Стэн с трудом открыл глаза и принял сидячее положение. Выглянув в окно, всё ещё размытым зрением он разглядел улицу станционного поселения. Пока он приходил в себя, Вэйн уже забрал свои вещи и разминал ноги, стоя рядом с машиной.

– Дальше сами. До военного городка две минуты ходьбы. Сначала дела, остальное потом, – он ещё что-то негромко говорил Сельме, подойдя к ней, пока Стэн переодевался в свою всё ещё влажную форму.

– Спасибо, Сельма! – Стэн выбрался из фургона, ступив в снежную придорожную кашу.

– Будь здоров, воробушек! – она одарила его на прощание широкой улыбкой. – Может, ещё увидимся.

Шум отъезжающего фургона окончательно разбудил Стэна. Он огляделся, увидев Вэйна шагах в десяти, нетерпеливо его ожидающего, и направился к нему.

Они быстро дошли до ворот небольшой воинской части, необходимой здесь для содержания патрулей.

– Привет, Чак. Как служба? Нам в лабораторию, – почти скороговоркой Вэйн обратился к стоящему у ворот дежурному. Тот молча кивнул, открыл калитку, пропуская их. Вэйн в ответ приложил руку к шляпе и решительно зашагал к стоящему рядом серому металлическому ангару без окон.

Назвав своё имя в переговорник, он так же уверенно прошёл внутрь через открывшуюся после щелчка тяжёлую дверь. Стэн не отставал, и через секунду они оказались в маленьком помещении, больше похожем на приёмную камеры хранения. Перед ними вытянулась широкая стойка, с обеих сторон упиравшаяся в громоздкие стеллажи с ячейками. За стойкой стоял высокий мужчина в чёрном халате, накинутом поверх военной формы и без головного убора. За спиной военного высились стеллажи поменьше и виднелась массивная дверь с кодовым замком. На приветствие Вэйна военный только кивнул, вытащил откуда-то сбоку блестящий металлический поднос и положил на стойку. Затем нетерпеливым жестом указал перед собой и сделал полшага назад, сложив руки на груди.

– Выкладывай свои покупки, – сказал Вэйн, сам раскрывая свою сумку и доставая термос. Рядом с термосом Стэн аккуратно положил свои пять свёртков. И сразу поймал себя на мысли, что очень рад завершению всего этого приключения. Даже если ему ничего не заплатят, а просто унесут сейчас собранные им Минералы, то он не сильно расстроится, а пойдёт на станцию и выпьет от радости за то, что он жив и весь этот страшный поход наконец-то закончился.

Военный дождался, пока его посетители разложат свою добычу, так же молча взял поднос и скрылся за отъехавшей в сторону дверью.

Вэйн уселся на стоявшую с одной стороны от входа кушетку. Стэн занял место напротив, на другой такой же. Через минуту они молча смотрели перед собой, думая каждый о своём. Со стороны могло показаться, что два незнакомых человека внимательно разглядывают друг друга, впервые оказавшись в одном помещении. По правде говоря, это были первые спокойные минуты после их сумбурной встречи.

По прошествии примерно часа дверь в лабораторию снова откатилась в сторону, и к ним вернулся военный. Он положил на свою стойку два сиреневых бланка квитанций, один из которых прижал термосом Вэйна. Окинув взглядом своих посетителей, он сделал знак рукой, обозначающий завершение процедуры обмена.

Мужчины встали. Каждый забрал ближнюю к нему квитанцию. Стэн не стал вглядываться в текст, а просто сложил её и убрал во внутренний карман.

– Спасибо, дружище, – Вэйн бегло глянул на строчки, благодарно кивнул военному и сделал то же самое.

Они вышли на улицу. Молча, не сговариваясь, дошли до станции. Вэйн купил сигарет и так же молча мужчины уселись на самую дальнюю скамейку возле путей. Вэйн закурил.

– Когда завершаю важное дело. Это как ритуал, – ответил он на немой вопрос своего попутчика.

– С квитанцией что делать? – уже вслух спросил Стэн.

– В столице зайти в офис казначейства министерства обороны. И не забудь про меня, – держа сигарету губами, Вэйн порылся в бумажнике и протянул собеседнику карточку. – Здесь реквизиты.

– И ботинки?

– Как хочешь, – Вэйн равнодушно смотрел в даль на снежную равнину, освещённую солнцем, докуривая свою сигарету. Выбросив её в урну, он спросил:

– Ты куда сейчас? Сегодняшний экспресс уже ушёл.

– Попробую найти свои вещи. Потом попрошусь на ночь в казарму, наверное. А ты?

– Я в таких случаях у Сельмы ночую. Если хочешь, и тебе место найдёт. Всяко лучше, чем в казарме.

– Не уверен, что она мне обрадуется.

– Но точно не выгонит. Если решишься, приходи. Какой-то дом направо от станции. Увидишь, где фургон стоит.

– Хорошо, наверное, так и сделаю. Ты предупреди её, а то получится некрасиво.

Вэйн не спеша поднялся и скрылся за воротами станции. Стэн порылся в карманах, нашёл ключи и карточки, взятые у погибшего Марка, и направился к камерам хранения.

Через час он остановился возле калитки очень скромного домика, весь крохотный двор которого занимал оранжевый микроавтобус. Приближающийся вечер и едва уловимый запах кофе помогли Стэну принять решение, и он нажал на кнопку звонка.

– Проходи, воробушек, – одетая в «домашний» комбинезон, Сельма открыла ему дверь. – Жильё служебное, поэтому ничего лишнего. Душ там, стиралка там же, чистое сейчас выдам, ужин ждёт.

– Спасибо, – только и смог ответить Стэн, не ожидавший такого приёма.

– И не усни там, а то остынет всё.

Как он потом узнал, в доме, кроме маленькой кухни, имелось ещё две комнаты: рабочий кабинет, заставленный разной аппаратурой, и универсальная комната, служившая для всех остальных целей. Большинство места этой гостиной-спальни занимали диван, шкаф-купе, журнальный стол и раскладное кресло. В кресле с чашкой кофе в руках полулежал Вэйн, одетый в заношенный спортивный костюм. Второе, что бросилось Стэну в глаза – рамка с фотографией очень темнокожей девушки на одной из полок. Девушка широко улыбалась на фоне пальм, а на месте неба было написано: «От Джу, с любовью из Доминиканы». Пока он разглядывал снимок, вошла Сельма с посудой в руках.

– Это моя сестра. Сто лет не виделись.

Она поставила на стол большую тарелку с варёным рисом и кусочками курицы. Рядом быстро оказался стакан с зеленоватой жидкостью, от которой пахло хорошим мордобоем в прокуренном портовом баре. Вэйн хитро улыбнулся и подмигнул Стэну.

– За твой первый полёт, воробушек, – устало сказала Сельма и опустилась рядом с ним на диван. Она достала сигарету и, не спрашивая разрешения, закурила.

– Спасибо, – Стэн принялся за еду, наслаждаясь каждой ложкой. Это была первая нормальная еда за последнюю неделю.

Какое-то время все сидели молча. Стэн ел, Сельма курила, а Вэйн не спеша отпивал из своей чашки.

– Никогда не ел ничего вкуснее. Спасибо, – сказал Стэн, закончив ужин.

– Отблагодаришь при случае, – туманно ответила Сельма. – Диван в твоём распоряжении. Забрав грязную посуду, она ушла в кухню.

– Что скажешь полиции про своих друзей? – Вэйн поставил пустую чашку на стол и внимательно смотрел на собеседника.

Стэн не сразу сообразил, о чём его спрашивают, так было приятно расслабиться на диване в тепле, вкусно поев.

– Придётся объясняться. И, видимо, тебе быть свидетелем.

– Не хотелось бы. Ты понимаешь, что для меня это конец всему?

– У каждого из нас на этот случай страховка и завещание, так что проще будет замять это дело. А про тебя мне и так ничего не известно. Расскажу, что знаю, без подробностей. Будут тебя искать или нет, тут уж как сложится.

Вэйн поёрзал в кресле.

– У тебя есть не иллюзорный шанс стать официальным минералодобытчиком, – он слабо усмехнулся. – Командиры с тебя не слезут. Будешь богат и тайно знаменит, пока ноги на месте.

– Постараюсь избежать этой участи, – без особой уверенности ответил Стэн. – Сошлюсь на плохую память, страх, усталость и боль в ноге. Подпишу какие-нибудь бумаги, может и отстанут. Что мешает властям взять в оборот любого сдатчика прямо в лаборатории?

– Да уж, попали мы в историю, – Вэйн зевнул. – Сам что думаешь делать?

– В любом случае идти на Пик не планирую. Лучше вспоминать эти события в небогатой старости, чем стать одним из экспонатов на ледяном склоне.

– Тебе бы книги писать, – проворчал Вэйн, раскладывая кресло и расправляя одеяло. – Глядишь, и старость не будет бедной.

– Спасибо за мысль, Вэйн. Буду тебе должен, если всё выгорит.

– Вспомнишь добрым словом, когда помру, – он довольно накрылся одеялом и закрыл глаза.

– Обязательно, – Стэн выключил свет и вытянулся на заскрипевшем под ним диване...

Вэйну снился Пик. Резкий холодный ветер хлопал одеялом, которое он пытался приладить над лазом в грот с россыпью Минерала. Одеяло вырывалось из рук, ветер хлопал им с какой-то неестественной периодичностью...

Старик проснулся. За стеной в том же ритме негромко двигался стол, иногда сопровождаемый едва слышными лёгкими вскриками.

Вэйн усмехнулся себе в усы и повернулся на другой бок.

Про Анну Сергеевну

Глава 1

Не сказать, что это был спор, интересно было самой себе: смогу или нет?

А Верка спросила вслух. И тогда стало ясно: смогу.

Когда наша учительница предложила классу помогать какому-нибудь пожилому одинокому человеку, класс почти хором выдохнул: «Ага!». Кто-то в шутку предложил навестить Аннушку, бабульку из старого дома. В ответ раздался смех. Тут я и спросила сама себя. А Верка спросила вслух.

Аннушка жила одна в квартире на третьем, верхнем этаже старого дома, каких мало осталось в городе. Родных её никто никогда не видел, сама она почти ни с кем не общалась. Считали её странной, но за что – непонятно. Остановится, бывало, возле детской площадки и смотрит на играющих детей взглядом, полным умиления и тихой радости. Так смотрят на котят, которые, набегавшись, жадно лакают молоко. Впрочем, смотрела она так и на взрослых, и нравились это не всем. Наверное, эти «не все» и придумывали про неё всякую ерунду.

Дом, потемневший от пролетевших мимо десятилетий. Музейная духота в подъезде. Повидавшая тысячи ног лестница. Дверь как дверь. Звонок как звонок. Но что-то не так. Казалось, что это не огрубевший от времени дерматин, а срез благородного трёхсотлетнего дуба, прослуживший здесь привратником последнюю сотню лет.

– Я, конечно, не настаиваю... – начала Вера.

– Подожди у окна, – перебила я и нажала звонок.

Кнопка показалась тёплой и словно ждала меня. Важный «дин-дон» сообщил обо мне во все уголки незнакомого ещё помещения и затих.

Кроме «Здравствуйте» я не нашла что сказать. На меня смотрели как на того котёнка. Аннушка едва заметно улыбалась.

– Как Ваше имя, девочка?

– Дарья.

– Проходите, Дарья.

Несмело я перешагнула порог. Полумрак. Тишина. Прибрано.

– Вы спали?

– Анна Сергеевна, – сказала она мягким, уверенным голосом. – Будете кофе, Дарья?

Пока шипел чайник, я коротко рассказала о себе и цели визита и смогла немного рассмотреть хозяйку квартиры. Вполне обычная, среднего роста, стройная пожилая женщина лет семидесяти. Тонкие, сухие, но полные сил руки. Простое лицо. Казалось, что морщины только украшают его. Но глаза... Этот взгляд, полный заботы и сострадания, но при этом твёрдый и словно могущественный. Кажется, я его уже видела где-то, но...

– Хоть у меня и нет родных, – говорила Анна Сергеевна, ставя на стол две чашки в виде маленьких круглых домиков, – предложенная Вами помощь мне не требуется. Мне 82 года, но я сама могу сходить в магазин и вымыть полы. Спасибо. Однако я буду очень рада, если Вы, Дарья, станете иногда заходить ко мне. Думаю, что смогу ответить на Ваши «Почему?» и с удовольствием послушаю всё, что Вы захотите мне рассказать. Договорились?

И снова в моей голове кто-то сказал «Да», а я только шевельнула губами.

Крепость кофе неожиданно удивила. Не вредно ей в таком возрасте? Самодельное печенье приятно таяло во рту, оставляя тёплое послевкусие.

– Я положу печенья Вашей подруге?

– Какой подруге? – начала спрашивать я, но пиликнул мобильник.

«Нормально. Скоро». Я отбила звонок.

– Жду Вас в среду, Даша, – сказала Анна Сергеевна, протягивая мне свёрток. – А лучше приходите вдвоём. Всего доброго.

Я вышла. Ничего объяснять не хотелось. На душе было приятно и интересно.

Глава 2

В подъезде царил аромат свежей выпечки.

– Кто-то очень ждёт гостей, – сказала Верка. – И я даже знаю, кто.

– Здравствуйте, Дарья и Джейн, – Анна Сергеевна игриво улыбалась, открыв нам дверь.

– Почему...

– Знаю, знаю, – перебила она. – Так, ассоциации. Не обращайтесь внимания. Вера, Вы рисуете что-нибудь?

– Только лошадок в конце тетрадок, – как-то недружелюбно ответила Верка, но Анна Сергеевна, кажется, не заметила её интонации.

– Это хорошо, – сказала она. – Не каждый может нарисовать лошадку. Проходите, конечно же. Проходите в комнату, я пока сварю кофе.

Тот же полумрак, уютный и чистый. Под тёмно-синим с блёстками потолком светилась самодельная люстра в форме бледно-жёлтого шара. Мы с Веркой замерли, едва переступив порог. Увиденное было чем-то средним между историческим музеем и сувенирной лавкой в портовом городке. Шкаф, диван, стол и пара кресел. Всё свободное место на стенах занимали книжные полки с какими-то каталогами, журналами, разноформатными коробочками. И фотографии, старые афиши, рисунки и всякого рода предметы – диковинные маски, разного вида очки, необычные игрушки, грампластинки, макеты каких-то зданий, разноцветные лоскуты тканей. Старомодная шляпа. И даже гитара.

– Бумажные фотки! – произнесла Верка обалдевшим голосом.

А я уже всю разглядывала самые заметные. Вот юная девушка рядом с пожилым, но полным энергии человеком, чуть похожим на волка. Она широко улыбается, а его взгляд смотрит в самую душу, словно оценивая зрителя. На ней стилизованное под «хаки» платье, а он – в чёрной футболке без рукавов. И оба они на фоне черного флага с большими красными буквами-звездами, сложенными в популярное когда-то давно женское имя.

На другой – осень, набережная в городе. Зрелая уже женщина в коротком красном пальто с чёрным воротом сидит на гранитной скамье в форме лежащей кошки. А на заднем плане угадывается основание Эйфелевой башни.

На третьей – официального вида мужчина вручает той же женщине какой-то документ. Во взгляде мужчины читаются благодарность и уважение.

Разные страны и города. Уличные праздники и театральное закулисье. Тесные мастерские и залы официальных приёмов. Много моря. Горы. Мосты. Люди на снимках – музыканты, похожие на свои инструменты; бородатые или лысеющие мужчины в измазанных глиной и краской фартуках; женщины с умным взглядом и натруженными руками. Даже какие-то знаменитости прошлого.

– Время летит очень быстро, девочки, – в комнату вошла хозяйка. – Кажется, что всё это было месяц или два назад.

Она поставила на стол поднос с кофейным сервизом. Те же самые чашки-домики, кофейник в виде башни с часами, сливочник – водонапорная башня, и сахарница – маленькая пузатая мельница.

– Нравится? – спросила она, заметив мой взгляд.

– Необычно.

Она улыбнулась.

– Это хобби. Так, между делом. Я ещё и немного скульптор. Раньше лепила, но руки уже не те, болят и просят покоя. Хотя кофе сварить ещё могу, угощайтесь.

– А чья это гитара? – спросила Вера, коснувшись струн.

– Моего отца. Одна из его гитар. Он не умел играть по-настоящему, но инструменты очень любил, у него их было несколько. Иногда набирал «Лунную сонату» Бетховена, получалось похоже. Да, это его фотография.

Вера разглядывала снимок пожилого мужчины рядом с гитарой. Седая бородка и печальный взгляд умных глаз куда-то в сторону.

– Знаете, – продолжала Анна Сергеевна, – иногда по ночам, во время бессонницы, мне кажется, что я слышу, как он играет. Хотя это, скорее всего, мои фантазии.

– Интересно, – сказала я. – Вы были в Париже?

Анна Сергеевна снова улыбнулась. Воспоминания явно грели ей душу.

– Я там жила какое-то время. На том снимке интересна не башня, а скамейка.

– Скамейка? – вместе переспросили мы с Веркой.

– Да, скамейка, – Анна Сергеевна улыбнулась ещё раз. – Эта скамейка – моя работа. Как и другие такие, в виде кошек. Они есть в разных городах мира, всего их двенадцать. Мраморные кошки лежат, потягиваются, играют. И на всех можно отдохнуть. Я люблю кошек, и они меня тоже.

В комнату осторожно вошёл среднего размера рыжий кот.

– А вот и мой герой! – воскликнула Анна Сергеевна, увидев его.

Она встала и взяла его себе на колени. Кот с недоверием рассматривал нас, ловя носом запахи и пытаясь понять, угроза мы для него или добыча. Мордой он был очень похож на благородного пирата.

– Это Лучик. Он бродяжка, но часто гостит у меня. Особенно когда холодно или когда мне плохо...

Вечер пролетел незаметно. Оказалось, что Анна Сергеевна вполне нормальная бабулечка. Жизнь её была интересной и насыщенной. Художница, скульптор. И дизайнер, как раньше говорили. Работала в театрах и сама на себя. Оформляла спектакли, концерты и городские мероприятия. Создавала скульптуры, декор зданий и даже посуду. Была знакома со многими известными людьми искусства. Часто путешествовала, её работы есть в разных странах.

Когда мы уходили, она провожала нас своим особым взглядом, полным, как мне показалось, заботы и снисхождения. От этого, или от чего-то ещё, на душе было тепло и спокойно. Верка, наоборот, ворчала: «Смотрит словно я делаю всё неправильно, но молчит, а про себя усмехается». А я снова поймала себя на мысли, что уже где-то видела этот взгляд.

Глава 3

Пока весна не вошла в полную силу, я приходила к Анне Сергеевне несколько раз. Интересно было послушать её рассказы о жизни, о других странах и разных людях. Показывая одну фотографию, она могла увлечься и часами вспоминать историю этого снимка и всё, что с ним связано. Иногда она спрашивала о чём-нибудь меня и внимательно слушала ответ. Один раз мне даже показалось, что она что-то задумала.

Про себя я стала называть её Анна Сердешна. Не знаю почему, как-то само сложилось. Такой она была человек. Добрый, но не добренький, когда надо – твёрдый и бескомпромиссный. Но всегда понимающий и отзывчивый. С ней было по-человечески тепло и интересно. Сердечно-душевно.

Лучик перестал меня обходить и даже иногда позволял потрепать своё разодранное ухо. А когда установилась тёплая погода, он ушёл надолго, мы обе это почувствовали. Тогда и Анна Сергеевна предложила встретиться вне дома, зря, что ли, такой погоде пропадать?

Я нашла её на окраине городского парка, с небольшим мольбертом и акварелью. На листе картона уже угадывались противоположный берег реки, заросшая кустами старая набережная, пустынный ещё пляж и лес, только начавший зеленеть.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, добрый человек, – ответила Анна Сергеевна, продолжая энергично водить кисточкой.

Я заняла свободную половину скамейки.

– Так похоже у Вас получается. Это сложно – так рисовать?

– Нет, конечно. Взял бумагу, краски и валия, – она широко улыбнулась. – Это же не фотография, Дашенька. Тут не похожесть нужна, а чтоб самому смотреть интересно было. Выразить себя в том, что делаешь. Неважно, рисуешь ты или колешь дрова.

– А как Вы к этому пришли? К рисованию. К искусству вообще.

– Я не помню уже. Особо и ходить никуда не пришлось. Сколько помню себя, с детства рисую и леплю. Стоит сказать спасибо родителям, наверное. Отвели в художественную школу. Потом институт. И как-то правильно всё сложилось. Не само, конечно. Пришлось работать, главным образом над собой. Работать с характером, с привычками, со своей ленью и образом жизни. И учиться, постоянно узнавать новое, иначе можно остаться на всю жизнь маляром.

Она снова улыбнулась. Добавила картонному небу голубизны.

– Не всем так везёт с родителями.

– Тут не в везении дело, – она помолчала. – Если бы я не чувствовала, что это «моё», не пошла бы учиться. Занялась бы чем-то другим. Нужно уметь слушать себя. И делать то, что тебе интересно и приносит радость. Это я о жизни в целом. Уметь определить себя в этой жизни, и в этом вопросе стараться не идти путём компромиссов с собой.

– Как это?

– Например, тебе нравится рисовать. Или на гитаре играть. Или в горы ходить. Машину водить. Нравится то, чем ты занимаешься не ради денег, а для души. Вот в эти моменты душа твоя и живёт. И ты живёшь. Но выгоднее или престижнее другое занятие. И ты думаешь: «Вот сейчас немного, годик поделаю это, накоплю денег или получу то и то, и тогда займусь гитарой, горами или вождением». А потом привыкнешь, время уже уйдёт, и очень вероятно, что всё так и останется. И делом твоей жизни станет не совсем то, что тебя радует, что оживляет твою душу. Дело жизни и есть твоя жизнь. Если тянет тебя к морю, съезди к нему и послушай себя. Поступай в мореходное, а не на юридический. Нравится шить – шей, пробуй, ищи своё в этом, а не учись на бухгалтера или врача, потому что так хотят родители или больше шансов устроиться в жизни.

– А на что жить, если заниматься только тем, что нравится?

– Сделать так, чтобы твоё хобби приносило тебе доход. Когда ты зарабатываешь своим любимым делом, возникает чувство, что всё в жизни встало на свои места, а его не купить ни за какие деньги. Нужно стараться достичь в этом деле совершенства или хотя бы стать лучше многих. Главное – не лениться. Искать единомышленников. Тех, кто тебя поймёт. Должны найтись люди, которым будет интересно то, что ты делаешь, готовые поддержать тебя материально или как-то ещё. Завяжется общение, возникнут связи, и всё должно наладиться. Общение вообще очень важная вещь. Хотя это и не вещь вовсе.

Она усмехнулась. И, чуть помолчав, добавила:

– Через других людей к нам приходит всё в этой жизни. И радости, и деньги, и слава, если ты её ищешь. Нужная информация. И плохое тоже приходит через людей. К сожалению.

Я молчала, обдумывая услышанное. Словно угадав мои мысли, она продолжила:

– Конечно, не всё бывает так радужно. Мне приходилось и голодать, и бродяжничать, и делать не совсем приятные вещи. Но когда ты молода, это воспринимается как приключение, временные трудности, если ты идёшь своим путём, если чувствуешь, что всё делаешь правильно. Нужно идти и не сворачивать ради каких-то мелких или временных выгод. Хотя жизнь слишком сложна и во всём свои особенности. Никто не скажет тебе, как правильно жить. Прислушивайся к другим, но слушай себя.

– А как это почувствовать, как слушать себя?

– У тебя бывает такое чувство, когда делаешь что-то, а внутри тебя возникает протест или одобрение того, что ты делаешь?

– Да, бывает что-то похожее.

– Я называю это внутренним голосом. И впервые задумалась над этим в 14 лет, когда поступила логично, но не так, как он говорил мне. А потом пожалела. Потом так было ещё несколько раз. И уже давно, перед любым делом, поступком или выбором я мысленно спрашиваю себя: нужно ли мне это делать? Принесёт ли мне пользу то, что я хочу? Или лучше подождать, отказаться? Бывает, что он молчит, но это случается очень редко. Тогда я поступаю на своё усмотрение. А иногда даже спрашивать не приходится, сразу становится ясно, как только подумаешь. Но чаще всего нужно лишь уметь его услышать. Хотя нет, это не самое сложное.

– А что же сложнее?

– Сделать так, как он советует.

Она заулыбалась.

– Обстоятельства бывают разные. И людям приходится со многим считаться в жизни. С тем же общественным мнением, например. И прочими глупостями.

– Ничего себе глупости!

– Ну, как сказать. Для тебя так важно, что о тебе думают другие? Это значит, что сейчас для тебя нет ничего важнее. Вот смотри: мимо идут прохожие. Кто-то может быть странно одет, кто-то пританцовывает на ходу, а у кого-то синие волосы и кольцо в носу. Можно осудить или восхититься, но как долго ты удержишь в голове воспоминание об этом человеке и его странностях? Меньше минуты. Поверь, так же и другие, что бы они ни говорили, забудут о тебе очень быстро. Ты всё ещё будешь переживать, тратить себя на это, а они будут заняты чем-то другим, более важным для себя. Если у тебя есть цель, то иди к ней, думай о ней, а не о том, кто что скажет или подумает. Как говорится: «Собаки лают, а караван идёт». Для меня тут один критерий: главное, чтобы никому не было хуже от моих действий.

Помолчав, она продолжила.

– Ведь это твоя жизнь и больше ничья. Состарившись, ты только себе будешь объяснять, почему ты прожила её так, а не иначе.

– А как же родители? Если они хотят видеть меня, к примеру, врачом, а я хочу стать ну, водителем трамвая. Мне ругаться с ними?

– Я бы ругалась. Если тебя «заводит» этот трамвайный звонок, запах машинного масла и скрежет колёс по рельсам, то да. Если ты очень ранним утром с радостью идёшь на работу, предвкушая, как будешь крутить эту ручку или что у них там в кабине, то да. По-настоящему близкие и любящие люди, я думаю, поймут и поддержат тебя в твоих безвредных начинаниях. А если кто-то от тебя чего-то ждёт, так это проблема их ожиданий, а не твоя. Наверное, лучше быть хорошим вагоновожатым, влюблённым в своё железо, чувствующим себя на своём месте, чем плохим врачом, ненавидящим своих пациентов. Надеюсь, у тебя нет такого конфликта с родителями?

Она внимательно посмотрела на меня.

– Нет, – ответила я. – Но и полного понимания тоже нет.

Мы замолчали. Анна Сердешна продолжила рисовать, а я обдумывала услышанное.

Через некоторое время я решила спросить её о том, что давно было интересно не только мне.

– Анна Сергеевна?

– Да.

– Надеюсь, Вы не обидитесь на мой вопрос.

– Спрашивай. Меня трудно обидеть вопросом. Я ведь могу не ответить, – она заулыбалась. – И часто сам вопрос очень многое говорит о спрашивающем.

– Почему Вы так на всех смотрите? Иногда, не постоянно. Но бывает, как на глупых котят или маленьких детей. Многие Вас не любят за этот взгляд.

Она снова просияла лицом. И, немного подумав, ответила:

– Надеюсь, что тебя не обидит мой ответ. Для меня большинство людей и есть дети. В каком-то Вселенском масштабе. Очень мало по-настоящему зрелых личностей. Тех, кто понимает, что всё вокруг временно, суета и не настолько важно, чтобы тратить на всё это свои силы и время. И тем более – держаться за этот мир. Для меня все вы как дети, – повторила она. – Пусть взрослые, умные, сильные и даже могущественные. Но не выросшие до понимания своей кратковременности здесь, думающие, что их работа, карьера, бытовые радости и есть жизнь. Как заключённый, которому сидеть ещё долго, как может, украшает свою камеру. Возможно, ему будет чуть комфортнее пережить заключение, однако тюрьма не перестанет быть тюрьмой. Но я мыслями всегда на свободе, я знаю, что есть другой мир, лучший, если хочешь, состоящий из любви, света и радости. Головой я всегда там и мне не нужно украшать свою камеру. И вот, словно оттуда, я смотрю на происходящее здесь с любовью и иногда с умилением.

Она положила руки на колени и стала смотреть куда-то вдаль, едва заметно улыбаясь. Потом продолжила:

– Это не зазнайство, не снобизм или завышенное самомнение. Просто у меня немного другие ценности.

– Какие?

– Свобода личности. Доброта. Человеческие отношения. Не отношения между людьми, а отношение друг к другу по-человечески. Честность. Порядочность, наконец. Вроде всё просто, а посмотришь вокруг – все как дети, не могут поделить одну игрушку в песочнице, дерутся и режут, а через минуту она лежит, забытая всеми, а они делят другую. Когда вокруг целый двор, или сад, и много всего неизвестного. Но дети словно не видят этого, им интересен чужой кусочек яркой пластмассы. Вот так я на них и смотрю.

– Как странно Вы говорите.

– Ну что поделать. Все мы немного странные. Кто-то больше, кто-то меньше. Однако не у всех хватает смелости признать свои странности, особенности и свою необычность. И тем более принять безобидные странности в других. Так многие и живут «как все», потому что «так

принято». А некоторые ещё и гордятся такой жизнью: дом – работа, дом – работа – кладбище. И как мне смотреть на таких индивидуумов?

Она снова заулыбалась и потрепала меня рукой по волосам.

Тогда я решила задать ещё один вопрос.

– А семья у Вас есть? Родственники?

– Нет, – сразу просто ответила она. – Нет никого. Не было чувства необходимости в семье и детях. Для кого-то это смысл жизни, и свет, и опора, и прочее. Я нахожу всё это в творчестве. В своё время я иногда спрашивала себя: не пора ли? Надо ли это мне? А не буду ли потом жалеть? И как-то не нашла в себе положительного отклика. Одиночество мне приятнее, а тишина милей. Безвестной смерти не боюсь, на вопрос про стакан воды обычно отшучиваюсь: а захочется ли пить? Я пришла к этому сознательно и ни о чём не жалею.

Анна Сергеевна произнесла это так, что стало ясно: её не раз об этом спрашивали. И я поняла, что вопросов на сегодня достаточно.

Какое-то время мы сидели молча. Она рисовала, иногда что-то мурлыча себе под нос. Я переоценивала свою жизнь с учётом услышанного.

– Вот, – прервала мои раздумья Анна Сергеевна, – всё и готово. Простенький пейзажик на скорую руку. Это тебе. Дарю.

Я не ожидала от неё такого подарка, но не нашла в себе сил отказаться.

– Спасибо, – я приняла из её рук лист картона.

– Я пойду, – сказала она, складывая мольберт. – Не провожай меня. Заходи на днях как-нибудь, всегда рада тебя видеть. И пусть у меня сейчас могла бы быть такая внучка, как ты, я не представляю себя с коляской, маленькой посудой и среди игрушек. Не моё. Гораздо более волнующе для меня подобрать нужный оттенок для передачи настроения или выразить эмоцию в форме фигуры. Как-то так.

Она встала. Глядя мне прямо в глаза и широко улыбаясь, протянула мне свою высушенную временем руку с небольшими пятнами свежей краски.

Я протянула свою.

– Спасибо.

Рукопожатие получилось неожиданно крепким. Чувствовалась сила человека, который всю жизнь работал руками. Угадывались горы пластилина и глины, прошедшие через эти руки, представлялись континенты краски, перенесённой ими на разные поверхности.

– Тебе спасибо, что пришла. Будь счастлива!

Когда художница отошла на значительное расстояние, я решила рассмотреть рисунок получше. Пустынный пляж на другом берегу реки, зеленеющий до горизонта лес, старая набережная и где-то вдалеке – мост. Всё это было рядом, но не выглядело так уютно, как на картине. Всё это просто существовало само по себе, а на картину хотелось попасть. Что-то неуловимое в ней радовало глаз. Казалось, что оттуда дует лёгкий майский ветер, и что совсем скоро там начнётся какой-то праздник.

– Весьма недурно! – пожилой мужчина теребил свою седую бородку, разглядывая картину через моё плечо. – Ваша работа?

Я не стала отвечать. Свернула картон и быстро зашагала в сторону дома.

Глава 4

Так получилось, что увидеться в следующий раз мы смогли только через два месяца – молодость, весна, экзамены...

Я позвонила Анне Сергеевне, почувствовав, что пауза в общении затянулась.

– Ну, ничего, держусь, – сказала она тихим голосом. – Нездоровится. Загляни как-нибудь. И я заглянула. Через несколько дней. Она открыла мне и сразу легла.

В комнате было не прибрано и душно. Уютный полумрак уступил место какому-то липкому сумраку. Казалось, что жильцы в спешке уехали, собрав самое необходимое, оставив остальные вещи разбросанными.

Но хозяйка лежала на своём диванчике, закрыв глаза рукой.

– Вам плохо, Анна Сергеевна? Вызвать «скорую»?

– Нет, спасибо. Просто слабость. Хорошо, что пришла. Присядь.

Я устроилась на краю кресла. Почти всё пространство стола было занято рваными обёртками, грязными платками и невымытой посудой.

– Вот как бывает, – сказала она после минутной паузы. – Живёшь себе, что-то делаешь, всё вроде бы известно и понятно. И только привыкнешь ко всему, как понимаешь, что дальше уже ничего не будет.

Говорила она медленно, как бы отдыхая после каждого предложения. Слова явно давались ей с трудом.

– В какой-то момент понимаешь, что твоя тропинка здесь закончилась. Даже если у тебя есть планы, просто видишь, что некуда уже ставить ногу. Хорошо, если успеешь доделать по-настоящему важное.

– Что Вы такое говорите, Анна Сергеевна? Полежите-ка спокойно, отдохните. Я пока тут приберусь и посуду вымою. На завтра врача Вам вызовем, и всё образуется. Слабость Ваша пройдёт, в парк Вас выведу на свежий воздух. Обещаю ухаживать за Вами, пока не поправитесь.

В ответ она как-то одобрительно простионала и повернулась на бок.

Стараясь не греметь, я собрала со стола посуду. Через несколько минут заглянула в комнату – старая художница лежала в том же положении. Я подошла ближе. Анна Сергеевна спала каким-то тревожным сном.

Тонкие старческие губы её подрагивали. Ставшие совсем прозрачными руки сжимали край одеяла, словно не хотели его отдавать кому-то невидимому.

Закончив мыть посуду, я выключила воду, и только тут услышала, что Анна Сергеевна зовёт меня из комнаты.

– Даша, Даша... Даша! – отрывисто хрипела она.

– Что, что? – я бросилась в комнату.

Больная, опираясь на один локоть, тянула ко мне руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.